

Владимир Бурлачков

МИГНОВЕНИЕ ОКА

Роман

Владимир Бурлачков

Мгновение Ока

«ИТРК»

2019

УДК 82.312.6
ББК 84-44

Бурлачков В. К.

Мгновение Ока / В. К. Бурлачков — «ИТРК», 2019

ISBN 978-5-88010-409-3

«Мгновение Ока» – роман, прежде всего, сатирический. Он – о современной жизни, ее коллизиях и перипетиях. У романа – фантастический сюжет. Наша планета становится местом встречи двух представителей высшей цивилизации. Их беседы определяют философичность романа. Эпиграфом к нему могли бы стать слова одного из персонажей: «Я никогда не потакал обстоятельствам и не церемонился с ними. Моей судьбе досталось от меня». Главные герои романа – три товарища – люди веселые, творческие и неунывающие. Богаты сюжетные линии произведения. На его страницах разыскивают друг друга биологическая мать и ее сын; неожиданно встречаются женщина с донорским сердцем и мужчина, любивший девушку, ставшую донором после гибели. «Мгновение Ока» – книга о человеческих судьбах и, главное, о любви.

УДК 82.312.6

ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-409-3

© Бурлачков В. К., 2019

© ИТРК, 2019

Содержание

I	6
II	10
III	20
IV	26
V	30
VI	33
VII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Константинович Бурлачков

Мгновение Ока

Посвящается Наде

© Бурлачков В.К., 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

I

Однажды, в непростую минуту своего бытия Ок загрустил и сказал: «Я никогда не потакал обстоятельствам и не церемонился с ними, моей судьбе досталось от меня». И еще он говорил, что все прошло гораздо быстрее, чем хотелось бы.

На самом деле дней было много, и горевать о них не стоит. Жаль только, что мы торопили их, и они пролетали незаметно. Впрочем, один из них явно выбился из общего ряда.

Это был светлый, но холодный и ветреный день начала марта. По тротуару одного из московских проспектов неторопливо, но деловито шел серьезного вида, высокий человек. Лицо его было сильно вытянутым, с большим носом и тяжелым подбородком. Выражение глаз часто менялось – от ироничного до удивленного. Одет он был не по погоде – в легкий светлый плащ и ботинки на тонких подметках. Его голову прикрывала маленькая коричневая беретка.

– Бабуль! Я тоже хочу! Я – тоже! – кричал детский голосок.

Человек в плаще оглянулся. По мокрому тротуару в его сторону бодро катила на самокате маленькая старушка в белом платочке и синей куртке, а за ней бежал мальчишка и кричал:

– Мне дай попробовать! Мне!

Эта сцена не произвела на человека в светлом плаще никакого впечатления, хотя и заставила проворно отскочить в сторону.

У подземного перехода человек в плаще остановился и стал разглядывать потоки машин, снующих по проспекту, и большой магазин с огромной вывеской на крыше. С дерева ему в лицо попали хлопья снега. Он смахнул их рукой и долго рассматривал на ладони.

– Эй, друг! Как на Октябрьскую площадь пройти? – обратился к нему здоровенный детина с лицом, угнетенным гримасой неудовольствия.

– Прямо! А можно на троллейбусе. Билеты у водителя! – скороговоркой ответил человек в плаще.

– Не вводите людей в заблуждение! – вмешалась в разговор дородная дама, проходившая мимо. – Я вот что вам скажу! В обратную сторону!

Человек в плаще выслушал ее объяснения и задумчиво произнес:

– Впрочем, это в рамках гипотезы! Не так ли? – И пошел дальше.

У газетного киоска его тронул за руку невысокий мужчина с пышными черными усами и прошептал:

– Купите мою книжку! Я стилист и поэт! Купите, пока не запретили! Могу продать без личной подписи. А с подписью – подороже! Вот! Извольте! – И продекламировал:

*Причуды жизненных событий,
Действительности томный взгляд!
Он по наитию предвзят!*

– Н-да! Пшонцев! Сборники «Стихи из подъезда» и «Серенада на подзорной трубе»!

– Что? Да? Вы – читатель? Неужто правда? Родной вы мой! Эй! Ты слышала? Ты где? – закричал поэт и сунул голову в окошко газетного киоска.

Человек в плаще удивился такой реакции и предпочел прибавить шагу. Но пошел медленно, как только услышал разговор двух старушек, сидящих на скамейке:

– Сегодня ночью что-то так страшно гудело! – говорила одна.

– Жуть какая-то! – согласилась другая. – Я на балкон вышла. Стою, слушаю. Ничего понять не могу.

– Мне утром сестра позвонила. У них в Реутове – то же самое. Гул – как из-под земли.

У подъезда большого, статного здания человек в плаще остановился, посмотрел на вывеску на стене и дернул бронзовую ручку двери.

В темноватом вестибюле он молча показал вахтерше министерское удостоверение и стал подниматься по широкой лестнице на второй этаж. В начале коридора человек в плаще заглянул в приемную директора и спросил секретаршу:

– Олег Кириллович у себя?

– А вы кто? – равнодушно спросила секретарша.

– Дичков Генрих Григорьевич! – отрекомендовался вошедший.

– Входите! Олег Кириллович вас ждет! – ответила секретарша и отвернулась. – Плащ на вешалку повесьте.

Человек прошел в кабинет и плотно закрыл за собой дверь. Сделал несколько шагов по бордовой ковровой дорожке и остановился перед большим столом.

Седой, грузный старик оторвал глаза от бумаг и спокойно сказал:

– Рад видеть тебя, Динг! Как добрался?

Вошедший плюхнулся в кресло, расстегнул ворот рубашки, словно ему было трудно дышать, и сказал:

– Черт знает, что у тебя здесь делается, дружище Ок! Столько всякой дряни летает. И лед, и куски железа! И так холодно! Тебе надо было подтащить планету ближе к звезде.

– Тогда ледники растают и будет очень сыро, – недовольно пробурчал Ок. – А я люблю снег.

– И еще у тебя тут связь барахлит, – сказал Динг. – Магма слишком активна.

– Не только поэтому, – ответил Ок и поморщился, показывая, что не хочет продолжать этот разговор. – Как твои первые ощущения?

– Пытаюсь привыкнуть! То за нос себя потрогаю, то за ухо дерну! Хожу по улицам и разглядываю, у кого какие глаза и губы. А эта штукавина, которая теперь болтается у меня между ног, она, как я понял, имеет особое значение. И ты удружил мне с ней по старому знакомству.

– В общем, ты успел обзавестись первыми впечатлениями! – Ок отодвинул кресло от стола и сел поудобнее.

– Ты знаешь, Ок, я всегда иронично относился к твоей идее обезьяньей эволюции. Как-то не так все это... Хе! Из генов мухи получаются шимпанзе и бонобо. А дальше – вот, результат за окном!

– И какое у тебя мнение по этому поводу? – равнодушно спросил Ок.

– В прошлый раз я не поленился притащить в пустыню три здоровенные глыбы. Положил вытянутую глыбу на круглую, уравновесил третьей, поменьше, и сказал тебе: «Вот, когда твои будущие балбесы войдут в разум, пусть-ка они поломают головы, как такие камушки могли оказаться один на другом!».

– Камни – и сейчас на том же месте, – сказал Ок.

– А балбесы? Считают, что это случилось само собой!

– Ты слишком много от них хочешь. Я помню, ты всегда относился к возможностям эволюции скептически, – ответил Ок.

– Забавно, что ты привык к их слову «помню», – удивился Динг. – А без эволюции здесь разве ничего не появилось?

– Только Тип Ц, – ответил Ок. – Его занесло сюда, то ли с пылью, то ли на метеоритах.

– Этого добра везде полно! – Динг покрутил головой. – А как он здесь себя проявляет?

– Стандартный случай, – сказал Ок. – Не размножается, но эволюционирует. Воспринимает широкий спектр излучений. Если ты будешь активно общаться со мной, то зафиксирует твои сигналы.

– Этот экземпляр здесь прижился?

– Он везде неуживчив, – сказал Ок. – Еще у первобытных людей пытался воровать мясо из костра и получил по башке. Так и ходит с вмятиной на виске. Но ничему за эти века не научился. Только бузить.

– Н-да, очень устойчивая разновидность, – ответил Динг.

– Что нового у наших? – спросил Ок.

– Ты в курсе событий! – оживился Динг. – Авангард подобрался отличный! Многие из них участвовали в прошлый раз.

– И тогда им удалось выжить, – уточнил Ок.

– Сейчас все будет по-другому! – быстро заговорил Динг. – Мы все изменили. Будут другие подходы. Видимо, тогда мы шли вдоль слоев гравитации вместо того, чтобы резко взять вверх.

В дверь заглянула секретарша и спросила:

– Олег Кириллович! Кофе принести?

– Нет, потом, – сказал Ок.

– А главбуху когда подойти?

– Тоже потом, – спокойно ответил Ок.

Дверь за секретаршей закрылась. Динг сказал:

– Сейчас будет хорошая страховка. Оборудование гораздо мощнее. Мы сможем проходить самые мощные излучения.

– Но ты знаешь, что проблема не в этом, – тихо проговорил Ок.

– Послушай, Ок! – Динг встал со стула и прошелся по кабинету. – Мы бывали с тобой в разных ситуациях! Мы разбирали и решали самые тяжелые проблемы! Мы проходили через сотни вселенных. И каких! Не чета этой, забитой всяком мусором. Мы много знаем об ХР-излучении, и о Вселенной Зета. Понимаем, где с этим излучением можно столкнуться. Тогда мы о нем ничего не знали. И потеряли отличных ребят. Но сейчас мы видим перед собой небывалые по плотности излучения и знаем – за ними что-то должно быть! Можем ли мы остановиться? Кто способен так поступить? Никто! В том числе и ты – один из наших лидеров!

– Но прохождение жесткого излучения – это колоссальный выброс вещества! – Ок повысил голос. – Куда его девать?

– Как куда? – изумился Динг. – Всегда куда-нибудь девали. Хотя бы сюда! Все равно тут у тебя кругом мусор летает.

– Я сразу понял, почему ты решил здесь появиться, – сказал Ок.

– Ну, да! И что?

– Есть одно «но», – тихо проговорил Ок.

– Они всегда есть! – Динг махнул рукой.

Ок еле заметно покачал головой и сказал:

– Здесь сейчас плохая связь не потому, что магма стала слишком активна.

– Что ты хочешь этим сказать? – спокойно спросил Динг.

– А то, что ты сейчас так не хочешь услышать, хотя обо всем догадался.

– О чем? – Динг внимательно посмотрел на Ока.

– Да, они поняли, как получать энергию из вакуума, – сказал Ок.

– И что из того? – спросил Динг.

– Ты прекрасно знаешь. В Большом договоре по этому поводу все изложено четко и ясно.

– А ты считаешь, что обезьянья эволюция не может быть поставлена под вопрос? – Динг поправил нос и уши. – На каком основании к ней должны применяться общие положения?

Они долго молчали. Ок сидел в кресле и смотрел перед собой. Динг медленно прошагивал по ковровой дорожке. Остановился и спросил:

– Что ты предлагаешь? Все равно авангард принял решение.

– Ты должен остаться здесь, увидеть происходящее своими глазами и доложить авангарду, – ответил Ок.

– Я все уже видел, – сказал Динг.

– И тем не менее!

– Что надо делать? – недовольно спросил Динг.

– Работы проводились здесь, в городе, в одном из научных центров. Установки были – старее не придумаешь. Но они смогли их модернизировать. В проекте работали трое. Но в чем дело, понял только один.

– А, это еще куда ни шло, – проговорил Динг.

– Я подписал с ними соглашение о сотрудничестве. Разумеется, совсем по другой тематике, но с использованием их наработок. Познакомишься с ними, и сам все увидишь. Для них ты специалист из закрытого центра на Урале. Динг, повеселее, пожалуйста! Ты всегда любил интересные проекты.

– Вот уж нет! – спокойно сказал Динг. – Впрочем, обезьянья эволюция должна приводить к таким простым результатам, как получение энергии вакуума.

– На разбирательство понадобится пару недель, – спокойно говорил Ок. – Я смоделировал для тебя программу. Для них ты будешь ученым чудачком. Здесь раньше таких много было. Их до сих пор помнят. Ты будешь веселым, открытым, способным удивляться. Это есть в твоей программе. Такое амплуа тебя развлечет. Не все тебе ходить с унылой физиономией! На тебя будут обращать внимание. Подшучивать. Ты это любишь.

– Не замечал за собой подобное! – удивился Динг. – Впрочем, я согласен все проверить. Но не затягивая!

II

Ведеев вышел из подъезда, прищурился на яркое солнце и подумал: «Сейчас бы на лыжах в лес, а тут шлепай на работу и сиди до вечера на стуле в самом паршивом настроении».

Вчера в суматохе метро он случайно посмотрел на угрюмую женщину с одутловатым лицом. Ее взгляд испуганно вспорхнул, и его память ахнула и встрепенулась. В серьезной, дородной даме лишь по одному движению карих глаз привиделось существо юное, томное, хрупкое.

Существо порхало по коридорам их института месяца три. Никак не находился повод о чем-нибудь с ним заговорить. Однажды существо пропало и больше не появилось.

Ведеев еще раз взглянул на печальную женщину с большой хозяйственной сумкой, быстро отвернулся и почувствовал жалость к самому себе.

«Что собственно произошло? – подумал он. – Будущее, в конце концов, оказалось настоящим, и ничего особо интересного в нем не нашлось».

Философское расположение духа способствовало самокритичности. Ведеев подумал: «Да, живость моей природы приносила некоторое неудобство окружающим, особенно в годы золотые». В первом своем НИИ он сидел в одной комнате с Константином и Генкой. Первого он прозвал Константинополем, второго – Геномом. Закончилось тем, что у Генки началась истерика. Он плакал и кричал: «Не смей! Не смей так меня называть!». А Костька удивленно пожал плечами и сказал: «Во всяком случае, Геном – это более-менее понятно. А меня вон как обозвали! И то – ничего!».

«И все-таки надо разобраться, – подумал Ведеев. – Во всем этом пора разобраться и сделать хоть какие-то выводы».

Все живые существа перемещаются в пространстве в поисках пропитания и любви. И только человек с определенного возраста способен шляться туда-сюда без всякого дела.

«Нет, дело у меня есть, – говорил себе Ведеев. – Сейчас поеду в знакомые места, пройду по тем улицам, и хоть что-то станет ясно». На месте их домика давно громоздится многоэтажка. Там, где стояли дровяные сараи, – скверик со скамейками. Но так легко все это представить: ступени, старая входная дверь, окна на первом этаже. В соседнем доме жили девчонки-близняшки. Пригласили на день рождения. Так разгулялся, что залез под большую железную кровать и вытащил белый горшок с крышкой. Визит был прекращен, а с ним и всякая дружба. Нет, решительно вспоминаются только глупости и чепуха!

Тогда лучше поехать в институт. Остановиться на ступенях и вспомнить, как стоял здесь с дипломом в руках. О чем тогда мог думать? О будущем? О том, как из года в год придется таскаться на работу в метро и трамвае?

Бывали ли славные минуты? Разумеется, да! В редакции сказали, что напечатают статью. Вышел, как огорошенный, на улицу. Побрел, куда глаза глядят. Наконец-то свершилось! Успех был рядом. Но статью никто не прочитал. Во всяком случае, не встречал человека, который сказал бы о ней хоть что-то.

«А куда я еду? – спохватился он. – На следующей остановке выходить!»

В киоске у метро Ведеев купил на перекус две булочки с изюмом. Запел про себя браурный марш «Бум-бурум-бум-бум» и свернул в переулок.

У ворот института прогуливался вахтер Петр Аристархович. Ведеев замедлил шаг, надеясь, что вахтер отойдет вглубь двора. Но тот стоял на месте и терпеливо ждал, поглаживая аккуратно подстриженную белую бороду. Проскочить незамеченным не удалось. Ведеев вздохнул с сожалением.

Вахтер решительно шагнул вперед, поднял вверх руку с оттопыренным указательным пальцем и заорал:

– Ба! Сергей Лексеевич! Ведеев! Кандидат наук! Заведующий лабораторией! – И ткнул Ведеева пальцем в живот.

За этим должны были последовать обнимания и хватание за воротник. Поэтому Ведеев проворно отскочил в сторону, закричал:

– Дела! Дела! – И прибавил шагу.

На первом этаже обветшалого и пропахшего сыростью здания было полным-полно народу – арендаторы раздавали коробейникам товар и рассылали курьеров. На втором этаже сидела публика посolidнее – астрологи, составители родословных и адвокаты. На облезлой двери красовалось объявление: «Коробейникам не входить! Бросаю ботинок без предупреждения!».

Тихо было только на третьем этаже. В конце коридора тускло светила единственная лампочка, горевшая еще с прежних времен. Идти надо было наощупь.

Впереди мелькнуло нечто белесое. Ведеев протянул руку и ухватился за ткань. «Белесое» рванулось и отскочило в сторону. Раздалось:

– Ай! Ой!

В этот момент рядом отворилась дверь. На пороге стоял Толик Корольков и пытался всмотреться в темноту.

«Белесое» вышло из тени и оказалось высоким человеком в светлом плаще.

Толик кивнул Ведееву, шагнул в сторону, пропуская его в комнату, и деловито спросил человека в плаще:

– У вас что для нас новенького? Таблетки от худобы или инвестиции в опционы?

Человек в плаще чопорно представился:

– Генрих Григорьевич! Дичков! Командирован. Уральский центр приборостроения. Лаборатория дальнометрии.

– Ух ты! – Восхищенно произнес Толик. – Вы хотите сказать, что вас до сих пор не закрыли? Это, знаете ли, по нынешним временам даже подозрительно!

Комната была плотно забита разным оборудованием. В большие окна светило мартовское солнце. В лучах плавала пыль.

Из-за стола встала высокая молодая женщина с пучком светлых волос, заулыбалась и сказала:

– Приятно познакомиться! Наташа!

Динг с нескрываемым удивлением оглядывался по сторонам, а Толик показывал на приборы и с кислым видом, медленно и лениво, говорил:

– Сколько раз начальство продать пыталось – никто не берет. Но арендаторы потырили порядком!

Разговор о совместной работе с каким-то Уральским центром Ведеев помнил. Но появление командированного стало для него полной неожиданностью. Надо было отделаться от Толика и поговорить с прибывшим серьезно.

– Пойдемте ко мне! – Ведеев взял Динга за локоть и потянул к двери.

– Не торопитесь! – остановил его Толик. – Сейчас появится наше начальство и комиссия из министерства.

– По какому поводу? – удивленно спросил Ведеев.

– Все по тому же! – Толик сделал кислую физиономию. – Главный вопрос всякой революции – вопрос о собственности!

Динг смотрел то на одного из них, то на другого ошалело и, казалось, мало что понимал.

Из коридора донесся грохот тяжелых шагов и шум беспорядочного разговора. В дверь заглянул высокий лысый человек в очках и крикнул:

– Следуют! К вам!

В коридоре кто-то громко сказал:

– Вот еще! Ничего подобного! Я – замминистра!

В комнату энергично вошел молодой человек лет двадцати восьми и строго спросил:

– Что тут? Я – замминистра!

Молодой человек был маленького роста, с круглым личиком и вздернутым носом. Представляться по должности ему приходилось из-за крайней необходимости. Иначе за начальство его никто бы не принял.

При появлении молодого человека Толик вытянулся по стойке «смирно» и заорал во все горло:

– Здравия желаем, товарищ замминистра!

Все притихли. Замминистра пришел в себя первым и спросил кого-то, не оглядываясь:

– Сколько времени понадобится?

– Через неделю ничего не будет! – бодро доложили из толпы у двери.

– Вот так! – объявил замминистра.

– Ту-ру, ру-ту-ру! – Толик попытался воспроизвести мелодию самого известного марша.

Замминистра откашлялся и произнес нечто такое, что Динг не смог найти ни в одной поисковой системе и счел редким идеосинкретичным словосочетанием.

В комнате наступило молчание. Но в коридоре кто-то заржал по неизвестному поводу во все горло.

Замминистра повернулся к двери. Толпа потекла в коридор и зашаркала по скрипучим половицам.

Оставшиеся молчали. Ведеев повернулся к Толику и сказал:

– Ну, тебя на фиг!

Толик виновато развел руками и объявил:

– Не прошел тест!

– Кто? – спросил Ведеев.

– Замминистра.

– И что теперь? – спросил Ведеев.

– Не знаю, – ответил Толик. – Будем наблюдать.

– Вот учился бы лучше в институте! – сказал Ведеев.

– Чего теперь о грустном! – печально произнес Толик. – Но будем придумывать.

– Чего? – раздраженно спросил Ведеев.

– Голь на выдумки хитра! – вспомнил Толик.

Ведеев отошел к окну. Толик остался стоять посередине комнаты, как виноватый школьник перед педагогическим советом.

– Давайте чаю попьем! – предложила Наташа. – И гостя надо чаем попоить.

Все взглянули на Динга. Он застегнул пуговицы на плаще и сказал:

– В следующий раз!

– Почему не сегодня? – удивился Толик. – У нас – целая неделя. А потом – может, мы к вам на Урал переберемся. На ваше финансирование!

– Правда! Чего торопиться? – сказала Наташа. – Хотя бы про ваш центр расскажите. Никогда о нем не слышали.

Динг изобразил удивленную физиономию, но не заставил себя долго уговаривать. Снял плащ и повесил на приоткрытую дверцу облезлого шкафа.

Чай пили в небольшом, но прибранном и светлом кабинете Наташи.

– Мы раньше в этих комнатах сидели, как селетки в бочке! – рассказывал Толик. – А последние годы – у каждого собственные апартаменты. Только убираться в них некому. Уборщицы уволились.

Ведеев выложил на стол булочки с изюмом. Одну из них тут же беззастенчиво стрескал Толик. Хлебнул чаю и спросил Динга:

– А что вас интересует?

Динг вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенные листы бумаги, развернул и положил на край стола:

– Вот, техзадание.

Ведеев быстро пробежал листы глазами и сказал:

– Это все – чистая теория. Прямых экспериментов не проведешь. Дело интересное, хотя и тупиковое. А финансирование у вас – от военных?

– Нет, – спокойно ответил Динг. – Геологи такими излучениями интересуются.

– Жаль! – сказал Ведеев. – Лучше бы военные.

– Почему? – спросил Динг.

– Можно было бы их спутники в экспериментах задействовать.

– А что это дало бы? – равнодушно спросил Динг.

– Масштабы! – ответил Ведеев. – Но теперь все надолго откладывается. Может быть, вы хотя бы наше оборудование возьмете? Старье, но все равно жалко, что на помойку попадет. Кстати, ваше техзадание надо Семенову показать? Он в институте сегодня?

– Я его с утра видела, – ответила Наташа. – Он, наверное, на чердаке. Чего-то там второй день разбирает. Я ему позвоню.

К концу чаепития в лабораторию вошел среднего роста человек с большой залысиной, курносый носом и хитроватым взглядом. Что-то пробурчал присутствующим вместо приветствия, взял в руки листок с техзаданием, пробежал глазами и громко объявил:

– С какой стати? Нет, это все – ля-ля-ля!

Но что-то его заинтересовало, и он стал читать с вниманием.

– Чай будете? – спросила его Наташа.

Семенов взял со стола чашку чая, еще раз взглянул на листы. Бросил их на подоконник и сказал:

– Тут надо разобраться!

– Мне тоже хотелось бы кое с чем разобраться, – ответил Динг.

– Есть одно обстоятельство, – перебил его Ведеев. – Наш компьютер со всеми отчетами сперли!

– Это как? – изумился Динг.

– Очень просто! – ответил Ведеев. – Приходим, а компьютера нет. Если хотите узнать, чем мы последнее время занимались, читайте распечатки отчетов. Их пока не выбросили.

Дингу дали несколько толстых разноцветных папок, набитых старыми отчетами. До конца дня он листал их за столом у окна.

Завязал тесемочки одной из папок, отодвинул ее на край стола и откинулся на спинку стула.

– Какой сегодня красивый вечер! – сказала Наташа. – Посмотрите за окно!

Солнце зашло. Небо было чистым и голубым. Справа и слева между высокими домами над горизонтом светились две первые нежные звезды.

– Небо – как нарисованное, – тихо проговорила Наташа.

– Эх, сейчас бы куда-нибудь за город! – отозвался Ведеев, доставая что-то из шкафа.

– А в лесу еще можно на лыжах кататься, – сказал Толик и подошел к окну.

– На охоту пора! – объявил Семенов.

И тут произошло такое, от чего все они замолчали. Та из звезд, что была левее, вдруг начала двигаться. Чуть дернулась, поплыла и скрылась за большим домом.

– Это что такое? – заорал Толик. – Вы видели?!

– Ой! – вскрикнула Наталья. – Улетела!

Несколько мгновений все молчали.

Звезда показалась правее дома. Замигала, скрылась за постройками, еще раз мелькнула и пропала.

– Это как? А? – проговорила Наташа. – Это что?

– Хрен его знает, – тихо сказал Толик. – Не пойму.

Ведеев оглядел присутствующих, поморгал глазами и плюхнулся на стул.

Невозмутимым оставался только Динг. Посмотрел на Наташу и сказал:

– Там, наверное, стройка. А на стреле крана – лампочка. Стрела заехала за дом.

– К каким чертям собачьим, лампочка! – заорал Толик. – А что из-за дома вылетело?!

– Как что? – не понял Динг. – Самолет.

– Откуда ему тут взяться! – кричал Толик.

– Летел в аэропорт «Шереметьево», – сообщил Динг.

Все молчали. Наташа сказала:

– Какой вы умный, Генрих Григориевич! А я так испугалась! Подумала, какой-то неопознанный объект летит.

– Ну, что вы! – оживился Динг.

– Нет, все-таки, как же это! – Толик не мог успокоиться.

– Тебе, братец, не хватает рациональности! – заключил Ведеев. – Ты, оказывается, веришь в летающие тарелки!

– Но тут-то! Все на глазах! Раз – и полетела!

К низкому одноэтажному домику в конце институтского двора вела грязная дорожка. Через большую лужу были положены гниловатые доски. По ним Динг и Ведеев добрались до крыльца в две ступеньки.

Ведеев долго не мог повернуть ключ в замке. Уперся в дверь плечом и потянул ручку вверх. В замке раздался скрежет, и дверь распахнулась.

В коридоре пахло, как в сыром подвале. Запах стоял и в маленькой комнате с двумя окошками, задернутыми темными занавесками.

– Вот это и есть! – сказал Ведеев. – Наша гостиница! Располагайтесь. В конце коридора – кухня. Если кто-нибудь припрется и захочет вас отсюда выселить, звоните мне. Больше не смею вас отвлекать.

Динг видел из окошка, как Ведеев осторожно перебрался по доскам через лужу и свернул за угол дома.

Прежде всего, Динг решил избавиться от картонных коробок в углу комнаты и стопки старых газет на диване. Заодно сунул в одну из коробок расстеленный перед кроватью, разорванный почти напополам, цветастый коврик.

Во дворе соседнего дома Динг нашел навес для мусорных баков, прикрытых низкими воротами. Размахнулся, перекинул через них одну из картонных коробок и тут же отскочил в сторону от воя и визга.

Местный животный мир оказался на удивление богатым. Сначала выскочили кошки – белые и черные. За ними прямо под ногами Динга пронеслись какие-то мелкие с длинными хвостами. Последними юркнули по сторонам совсем маленькие, противные и писклявые.

Вторую коробку Динг не рискнул бросить и пошел на улицу. У дома напротив стояло такое же сооружение для бачков с мусором. Динг приготовился запустить за ворота свою коробку, но заметил в щели луч белесого света. Постоял в недоумении и тихо спросил:

– Эй, что там?

– Ничего уже нету! – прогнусавили в ответ. – Я тут все собрал!

Ок вышел на связь и спросил:

– У тебя уже есть первые впечатления?

– Много! Всяких и разных! – ответил Динг. – Если о главном, они, действительно, движутся в правильном направлении. К некоторому пониманию они смогли бы прийти. Но дело в том, что их лабораторию закрывают, а приборы выбросят.

– Знаю, – ответил Ок.

– Я никогда не был формалистом, – быстро говорил Динг. – Есть исключения. Но общее условие всегда одно и то же – в процессы не вмешиваться! И тем не менее противно, что здесь все зависит не от умных, а от идиотов.

– Я никогда не пытался ускорить эволюцию, – медленно проговорил Ок. – Не буду это делать и сейчас. Но давай немного подождем. Есть шанс, что они справятся с ситуацией.

Толик открыл дверь квартиры, захлопнул за собой и услышал из комнаты удивленный мужской голос:

– Пришел кто-то!

– Это он! – ответила бывшая Толикина супруга Дина.

На кухне стоял запах жареной картошки. В мойке было полно грязной посуды.

Толик открыл форточку, сел на диванчик и подумал: «Н-да, в юные годы я женился по большой и чистой любви на творческой натуре. Но натура оказалась слишком творческой».

В проеме двери возник здоровенный детина в узких джинсах и красной майке, заулыбался и сказал:

– Здорово, сосед! Мы с твоей бывшей решили вместе пожить. Я думаю, уживемся тут все. Как сам-то?

– Ничего, – ответил Толик и поморщился, пытаясь убрать с лица гримасу откровенного и простодушного удивления.

– Меня Степаном зовут! – представился детина. – Так что соседями теперь будем, Толян! Недаром говорят, что в жизни все бывает.

– Да уж! – согласился Толик.

– Хочешь с нами по рюмашке?

– В следующий раз! – ответил Толик.

– Квартирка у вас – маленькая. Но ничего! – Степан посмотрел на потолок. – Купим краски, на выходных тут все намажем! Идет?

– Разумеется! – отозвался Толик.

– Там телек есть, приходи, боевичок посмотрим, – предложил новый сосед.

В коридоре появилась бывшая супруга и недовольно заявила:

– И с какой стати я там одна сижу!?

– Надо с соседом подружиться! – ответил Степан.

– Подружился и хватит! – объявила Дина и ушла.

– Я еще не переехал, – сказал Степан. – В смысле – вещи не перетащил. Надо машину заказывать. А розетка в комнате выскакивает. Там, где телевизор.

Толик помолчал и сказал:

– Там что-то другое!

– Где другое? – не понял Степан.

– Полгода назад какие-то странности начались, – сказал Толик. – Как будто кто-то ходит. То посудой гремит, то на пол что-то бросит.

– Так не бывает, – оптимистично заявил Степан.

– Я тоже думал, что не бывает. Поживешь тут – сам увидишь. А я давно говорил, квартиру, пока не поздно, надо менять.

– Не, ничего квартирка, – ответил Степан. – Ладно, я пойду. Поговорим еще!

Толик забрал из шкафа в коридоре кой-какие пожитки, сунул в карман бритву и зубную щетку и тихо закрыл за собой входную дверь.

Ночевать в гостинице – не было денег. Напрашиваться к знакомым – не хотелось. Оставалось – спать в машине. Толик уселся на сиденье и поежился от холода. Желание провести ночь в машине быстро пропало.

Пробок в городе не было. Быстро доехал до Садового кольца, свернул на проспект и покатил к институту.

Машину он оставил у ворот. Прошелся по тротуару, завернул за угол и возле старых гаражей увидел широкую лазейку в заборе.

На первом этаже института в нескольких окнах горел свет. Толик подошел к входу и дернул дверь. Она была незаперта. Но заходить он не захотел. Обошел здание и стал высматривать, не открыта ли форточка в туалете на первом этаже. Залез на подоконник и подергал за раму. Просунул руку в форточку, нащупал шпингалет и дернул его вниз.

Спрыгнул с подоконника на пол туалета и подумал: «Как у них здесь до сих пор еще не все разворовали!».

В лаборатории пахло пылью. На полу лежали белые полосы света от уличных фонарей. «Даже как-то торжественно», – подумал Толик. Вскипятил чайник, насыпал в большую чашку изрядную порцию заварки и сел за компьютер.

Закрытие института сулило много неприятностей. Вторую такую «лавочку» по нынешним временам найти было непросто. С закрытием института стоило повременить. Вопрос – как? Свежих идей по этому поводу не было. Несвежие тоже отсутствовали. Оставалось – действовать топорным методом.

На сайте министерства было понапихано разных защитных систем. Толик не стал размениваться на подбор паролей и оставил это дело банальным хакерам. Про себя он решил, что у него совершенно иные, чисто творческие задачи. Немного тонкого излучения, – и пароли просто отсутствуют. Но интересно, что следы хакерских атак сохранились. Даже адреса есть. При желании можно написать взломщикам что-нибудь ироничное. Но не до этого!

Официальная переписка была ужасной тягомотиной. Личная – немногим лучше. Советы кавалера некой даме, как ей проще похудеть. Знал бы кавалер, что пишет о нем дама своим приятельницам! Нет, личные письма – ни к чему. Нужны общественные!

Но что это? «Предложения о включении ряда институтов в особый список». Далее еще интереснее – «Предложения о поощрении из специального фонда».

«Включить родной институт в список приоритетных? Почему бы нет? – подумал Толик. – Кто как ни мы! Нужно раскрыть достигнутые результаты и представить справку о внедрении? Вот, пожалуйста! То, чем занимаемся! “Использование методов комплексного анализа излучения для восстановления электронных записей”. Звучит привлекательно и, главное, современно».

Но проблема в том, что списков приоритетных институтов было два. Чем они отличаются, понять невозможно. То ли каждый из списков был рассчитан на особый случай, то ли нечто еще более бюрократическое.

«Придется внести растерянность в кулуары», – подумал Толик и включил родной институт в оба списка.

Зато список на поощрение был один. Толик решил, что не надо зарываться и назначил родному институту такую же премию, как у всех остальных. Оставалось ждать результатов.

Утром его разбудил звонок мобильного.

– Эй, ты! Проходимец! – услышал он некогда любимый голос бывшей супруги. – Ты мне опять жизнь портишь! Чего этому болвану натрепал?

– Вы о чем, Дина Прокоповна? – спросил Толик, моргая глазами и оглядывая лепнину на потолке лаборатории.

– Я до тебя доберусь! – выкрикнула бывшая супруга.

– Разумеется! – согласился Толик. – А кто мешает?

- Ты не думай, что вот так можешь.
- Не буду! – ответил Толик.
- Ты эту технологию с работы стащил, из своего секретного отдела!
- Во-первых, ничего не стащил. Во-вторых, мы в лаборатории не держим секретов принципиально!
- Хоть подумал бы головой, что может быть из-за этого с нормальным человеком!
- Из-за чего? – удивился Толик.
- Он ночью к лифту в одних трусах выскочил и заорал, как ненормальный! Ну, как только у тебя тут все засветилось и заморгало! – Бывшая супруга захохотала.
- Не морочьте мне голову, мадам, где у вас там что моргает! – прервал ее Толик.
- В общем, если не выключишь, и он опять убежит, то я тебя поймаю. И тогда пеняй на себя! – Раздались короткие гудки.

В соседней комнате заскрипели половицы. Что-то упало на пол.

Толик распахнул дверь и увидел Генриха. На его столе лежали стопки толстых папок. Одну из них он держал в руках и старался развязать тесемочки.

- Чего так рано? – удивился Толик.
- Тороплюсь, – ответил командированный.
- Какие-то голоса были. Приходил кто-то? – спросил Толик.
- Был человек! – Генрих развязал тесемочки и заглянул в папку. – Очень высокий. Если Вееева посадить на Семенова – вот примерно такая громила и получится.
- Н-да! Получится нечто! – удивился Толик. – Ба! Так ведь это вылитый Пекарский! Вот кстати! Послушайте, господин командированный! На что вы здесь, в Москве, собрались пожить? На какие шиши? На те, что вам выдали на проезд?
- Я собираюсь много экономить, – ответил Динг.
- Пошли к Пекарскому! У него может быть халтура. Если стишки или статейки, я возьму себе. Если отчет или доклад – сварганим напололам.

На лестничной площадке второго этажа висело множество табличек. На самых больших красовались названия: Ателье «Раскрой свои чувства»; Интернет-магазин «Фея диванов»; Имидж-бюро «Мгновение навсегда».

- Ателье – это где телевизоры ремонтируют? – спросил Динг.
- Ты чего? – изумился Толик. – В Москве лет десять их на помойку таскают. А там шьют чего-то...
- На помойку – это опасно! – заметил Динг.
- Ну да! – согласился Толик.

В приемной Пекарского серьезная женщина в круглых очках велела им подождать.

Толик уселся в одно из кресел и показал Дингу на соседнее. Ждали они недолго.

Высокий человек распахнул дверь, но при этом продолжал говорить кому-то в кабинете:

– Вот мы и решили бросить вас в костер событий! Как известного вольтерьянца! И, увидев Толика:

– А! Давай ко мне!

Пекарский жал им руки и внимательно смотрел в глаза. У него был бесхитростный взгляд большого жулика.

Посреди кабинета стоял светловолосый молодой человек с трогательной физиономией только что обворованного.

– Вот у вас там на двадцать пятой странице. «Проявилась тенденция к явной фигурализации!» – выкрикнул молодой человек.

– Еще раз давайте о главном! – быстро говорил Пекарский. – У нас с вами работа называется: «Избранное из изгнанного»! Нам с вами нужен был современный взгляд, а не нафталин. Правда? Я все еще раз прокумекаю и вам на той недельке звякну. Идет? Все! По домам!

Дверь приемной закрылась за молодым человеком медленно и скрипуче. Пекарский сказал:

– Не жизнь, а сплошное противостояние заговору аферистов! А помощнички такое иногда напишут! Но у меня еще ничего. А у Петрова из третьей лаборатории совсем худо. И с головой, и с деньгами! Зато наш отчет произвел полнейший фурор! Ни более, ни менее! Давайте объединимся и еще чем-нибудь свеженьким бабахнем! Как вы считаете? – Он обращался к Дингу.

– Почему бы и нет! – ответил тот после некоторого раздумья.

– Вот это по-нашему! – воскликнул Пекарский. – А у вас как жизнь?

– Согласно купленным билетам, – ответил Толик.

– Мне подфартило! – вскрикнул Пекарский. – Представляете, наконец-то подключил загородный дом к магистральной канализации!

– Тут как посмотреть! – заметил Толик.

– А чего смотреть? – изумился Пекарский.

– Одно дело – попадало на грядки, а теперь будет уплывать в чужие руки!

– Теперь у меня проблема с кабинетом! – быстро говорил Пекарский. – Приходит вчера бабка с клюкой. Я как ее увидел – со страху подумал, не за мной ли? А она говорит, что из спецотдела, и что в моем кабинете повышенное содержание вредных веществ. Телефон оставила где-то здесь, чтобы вызвал специалистов. Теперь окно настезь держу!

– Дело неприятное! – заметил Динг. – К вам посетителей много ходит!

– Посетители что! – Пекарский махнул рукой. – Они у меня такие, что их ни одна кондрашка не возьмет!

– Есть что-нибудь для нас? – спросил Толик и горестно вздохнул.

Пекарский задумался, кивнул на Динга и спросил:

– А твой товарищ по разуму на что годится?

– Все, что угодно! – бодро ответил Толик.

– Если что – я вам отзвонюсь! – Пекарский развел руками. – Наш путь – через тернии к пиастрам! Пока!

Толик и Динг вышли в коридор. Перед соседней дверью стояла очередь.

– Гороскопы умеешь составлять? – спросил Толик.

– Я? – изумился Динг.

– Можно прилично заработать. Мне тоже почему-то не хочется. Но вон сколько желающих! Даже больше, чем у гадалок.

– Откуда здесь гадалки? – спросил Динг.

– Как откуда? – Толик прочитал объявление на стене и повернул голову. – Во-первых, отдел сверхслабых излучений почти в полном составе этим занимается. Во-вторых, бухгалтерия к такому делу подключилась.

Возле двери с табличкой «Паризп» Толик остановился и сказал:

– Это – в самую последнюю очередь. Только, если очень кушать захочется.

– Что такое? – заинтересовался Динг.

– Курьерская служба «Пар из порток». Основана нашим институтским пожарником.

– Почему пар? – физиономия Динга изобразила полнейшее непонимание. – И при чем тут пожарник?

– Видите ли, товарищ! – Толик вздохнул. – Наверное, ваша провинциальная жизнь еще недостаточно адаптировалась к потребностям современной цивилизации. Вот, к примеру, смотрите! – Толик кивнул на дверь с надписью «Витамин Е».

– И что? – не понял Динг.

Толик распахнул дверь и предложил Дингу войти. Тот шагнул вперед, провел по стенам глазами и, выходя обратно в коридор, сказал:

– Я так и думал! На их уровне это неизбежно!

– Пошли чайку попьем! – предложил Толик. – Кстати, ходи в кафе на первом этаже. На третьем этаже лучше не есть. На прошлой неделе мне после их жратвы было плохо.

III

Дверь в лабораторию распахнулась. Раздался крик: – Везде навести порядок! В кратчайшие сроки!

На пороге стоял директор. За ним толпились замы и прочие подчиненные.

Директор энергично прошел по комнате, взглянул сначала на стеллажи с оборудованием, потом на притихших сотрудников и объявил:

– Закройте наш институт! Черта-с-два кому удастся! Еще есть люди, знающие толк в научных достижениях! Фигляр! Мальчишка! Прибегает, орет: «Закройте!». Мы на особом счету и в специальном списке! Правильно этого типа у вас тут одернули! У нас там – тоже! В общем, работайте, коллеги, спокойно. Ожидаем большую премию. А то – прибежал! «Закройте!». И кого?! Научное учреждение, находящееся на передовых рубежах! Близки к прорыву, как никогда! Понаехали всякие! Министр без портфеля! А это все равно, что футболист без порток! Вот так!

Директор оглянулся на толпу у двери. Приближенные выражали восхищение, как только могли: улыбались во весь рот, строили рожицы, довольно переглядывались.

– Я еще на той неделе почувствовал – готовится какое-то происшествие, – объявил директор. – И вот вам! Прислали к нам круглого специалиста! Явная чересчурность! Явная!

Из толпы к директору протиснулась высокая рыжеволосая дама из отдела снабжения и сказала:

– Извините, вчера я у вас была, но постеснялась спросить насчет зарплаты. А вот сегодня...

– Сегодня тоже можете постесняться, – оборвал ее директор и скомандовал:

– Пошли дальше! Вот так!

Оставшиеся в лаборатории сделали вид, что занимаются своими делами.

– Ничего не поняла, – сказала Наташа. – Не закрывают, что ли? Толик, ты что понял?

– Я? – переспросил он. – Что тут понимать! Темнит начальство.

В лабораторию чеканным шагом вошла невысокая полная женщина в зеленом платье и очках в золотистой оправе.

– По случаю прибытия ответственного сотрудника бухгалтерии прошу всех встать! – скомандовал Толик.

Динг заморгал глазами и поднялся со стула.

– Кто тут Дичков? – строго спросила бухгалтерша.

– Вот он самый! – Толик показал на Динга.

– Так! Пойти к двум часам в банк, открыть счет, получить карточку. – И добавила как будто неохотно. – Пришли деньги по НИРу.

– А нам? – спросил Толик.

– Вам тоже, но потом! – объявила бухгалтерша и ушла.

Наташа полистала бумажки на столе и сказала:

– Генрих, еще вам надо быть в два часа в первом отделе и расписаться за что-то.

– Не люблю я бывать в двух местах одновременно, – задумчиво проговорил Динг.

Перед стеклянной дверью банка прогуливался задумчивый охранник в черной рубашке с погончиками и курил папиросу.

За дверью, в узком и душном помещении, стоял галдеж.

– Это как? – кричала высокая женщина в маленькой шляпке. – Гоните наши деньги назад! Третий раз прихожу, а мне все – завтра, да завтра!

– Начальство велело всем говорить, что послезавтра отдадут! – объявила полная сотрудница в бежевой кофте. – Все отдадут до копеечки!

– Безобразие какое-то! – кричали со всех сторон прочие посетители. – Обнаглели совсем!

Динг протиснулся к сотруднице в бежевой кофте и опасливо спросил: – Карточку можно получить?

Сотрудница посмотрела на него с живым интересом. Сделала шаг навстречу и оказалась совсем близко. Толкнула высокой грудью, так что Динг попятился к стене, и сказала:

– А поточнее!

Динг пожал плечами и пролепетал:

– Велели – в банк, и взять карточку для денег.

Служительница оказалась еще ближе, еще раз толкнула грудью и опять сказала:

– А поточнее!

Сзади, у стены стояла скамейка. Отступить Дингу было некуда. Он глотнул воздуха, сказал:

– Карточку банка для денег! – И плюхнулся на скамейку.

Служительница качнулась назад, глубоко вдохнула и в следующее мгновение нависла над Дингом.

– А пото... – Но она не успела договорить.

Стеклянная дверь почтенного кредитного учреждения широко распахнулась, в помещение влетел человек в красной куртке, поднял над головой ружье и заорал:

– Все назад! Никого не выпущу!

Из-за плеча человека в красной куртке выглянула физиономия банковского охранника. Не без любопытства посмотрела на происходящее и пропала.

Налетчик огляделся по сторонам и выкрикнул:

– Деньги гоните!

Служительница ахнула, попятилась в сторону Динга и, наверное, села бы ему на колени, но он успел раскинуть руки и ткнул ее в бока указательными пальцами.

Раздался длинный, душераздирающий визг. В результате тетка переместилась на свободную половину скамейки, а мужчина в красной куртке закинул ружье за плечо и стал быстро ходить по комнате из угла в угол. Остановился перед служительницей, сидевшей рядом с Дингом, и закричал:

– Чего ждешь! Где мои деньги?

– Мил человек! Ой! Деньги! – залепетала служительница. – Как же так! И я, и Маша! Мы тут вместе работаем. А про деньги – не знаем!

За стеклянной перегородкой раздался звонок. Человек с ружьем крикнул:

– Чего там?

Девушка с длинной челкой взяла трубку и после паузы сказала:

– Из полиции звонят. Спрашивают, чего вам нужно?

– Деньги пусть отдают! – закричал человек в красной куртке. – Я им на счет положил, а они мне теперь фигу показывают!

Девушка равнодушно повторила его ответ в телефонную трубку. Помолчала и сказала:

– Я откуда знаю! Нет, мне отсюда никак не сбежать.

– Никому не сбежать! – объявил захватчик. – Не выпущу никого!

– А меня? – удивилась служительница. – Я за обедом две чашки чаю выпила!

Высокий, средних лет, важный человек в длинном темном пальто и черной шляпе уселся на подоконник, поставив портфель на колени и, выставив на всеобщее обозрение белые носки, прокашлялся и удивленно сказал:

– Вообще, зачем мы тут собрались, если деньги не отдают? С какой стати я сюда приперся? – И похлопал по портфелю.

За окном повисли белесые лохмотья сильного дождя. На перекрестке загудели машины. Налетчик остановился посреди комнаты, о чем-то задумался и посмотрел на потолок.

Служительница в бежевой кофте понаблюдала за ним и спросила:

– У вас, наверное, и родители веселые были, и папа с мамой.

– Какого черта! – вскрикнул налетчик. – До сих пор никого нет! А вы чего тут расселись? Деньги давайте!

– У меня ключей нету! – заявила служительница. – Если хотите, могу пойти посмотреть, где начальство.

– Я ваше начальство на чистую воду выведу! – заявил налетчик.

– Выводить на чистую воду не менее важно, чем на путь истинный! – заметил Динг.

Мальчишка лет пятнадцати на скамейке у двери оторвал глаза от планшетки и громко объявил:

– Вот! Нашел! О нас в сетях пишут! – И зачитал:

– «Сегодня в четырнадцать двадцать семь был захвачен группой неизвестных лиц столичный офис банка “Туроб”. С захватившими банк лицами ведутся интенсивные переговоры. Их намерения уточняются. Захваченные сотрудники банка и посетители обеспечены всем необходимым. Ситуация находится под контролем».

– Какие переговоры! С кем ведутся?! – закричал налетчик.

– Может, там, на улице? – предположила служительница.

– А чем мы обеспечены? – удивился Динг. Но ему никто не ответил.

Девушка с длинной челкой высунулась из окошка и сказала:

– Уже обед! Я чайку попью!

И спросила служительницу:

– Вам заварить, Роза Петровна?

– Ой, ты здесь? – изумилась служительница. – Чего не убежала?

– Интересно, чем закончится, – сказала девушка. – Потом ребятам расскажу. Все обо всем рассказывают. Только мне – не о чем говорить!

– Знаешь, что! Заваривай! – скомандовала Роза Петровна. – И бабушке предложи. – Она показала на старушку на скамейке у окна. – Бабуль, чай будешь?

Старушка отрицательно покачала головой и сказала:

– Еще полтора часа здесь расслаживаться!

– Почему полтора? – удивился налетчик.

– Сестра в магазин поехала, а я во двор вышла без ключей и дверь захлопнула. Хорошо, хоть здесь посидеть можно.

– И сидите себе! – объявила служительница.

Мальчишка говорил по телефону:

– Слышь, Рудик, скажи физичке, что я на тесты не приду! Я – в заложники попал. Чего? Ну, правда! Вон, дядька с ружьем сейчас подтвердит! Правда, дядь?

– Чего? Идите вы все к черту! – заорал налетчик.

Публика встрепенулась и сосредоточилась. Молчание нарушил сам налетчик:

– И где кто? Начальники? Полиция?

– В прошлом году здесь какой-то другой банк был, – задумчиво сказала старушка. – И тоже кто-то прибежал за деньгами. То ли с ружьем, то ли с динамитом.

– За своими или чужими? – спросил Динг.

– Вот это я не знаю! – ответила старушка.

– Я – за своими пришел! – выкрикнул налетчик. – Я дом строю. Столько лет копил! Принес сюда всего на три месяца! Сегодня узнаю – у банка лицензию забрали.

– Может, не у нашего? – спросила служительница.

– Нет, у нашего! – подтвердила из окошка девушка с челкой. – Поэтому все начальство сегодня с утра куда-то свинтило!

– Молчала бы лучше! – оборвала ее служительница.

– С какой стати! – проговорила девушка с челкой.

Мужчина с портфелем глубоко вздохнул и сказал:

– Эх, советовали мне добрые люди не носить деньги в банк! Сбережения надо хранить не в банках, а в приятных впечатлениях.

Налетчик подошел к Дингу и торопливо заговорил:

– Всю жизнь копил и без гроша остался! Это как, по-вашему!

– Понятно, что без денег... – Динг не успел договорить.

– А вы тут зачем? – спросил налетчик.

– За своими деньгами! – заявил Динг.

– Вы тоже? Хоть вы меня понимаете! Каково это! Вдруг нет ни шиша! Я пришел, чтобы протестовать. А вы – сидите, как в рот воды набрали! Почему я должен бороться с жуликами, а вы – не хотите!?

– Я тоже! Конечно! – бодро поддакнул Динг. – Мы все разом! За общее дело!

– Это вы только говорите, – печально произнес налетчик. – Ничего вы не сделаете! Не возьмете ружье и не придете!

– Ружья у меня нет, – ответил Динг. – Но в этом ли дело?

Прошло около часа. В банк никто не приходил. Полиция не приезжала. Было жарко. Большое окно запотело.

– Так что нам делать, раз мы теперь заложники? – спросила служительница, хлебнув чаю из пластмассового стаканчика.

– Как что? – Мужчина с портфелем сделал паузу. – Будем петь хором: «Вихри враждебные веют над нами!». Товарищ с ружьем, запевайте!

Налетчик в очередной раз прошелся по комнате, посмотрел в окно и сказал:

– И почему у нас так всегда!? Сделать из всякого важного дела или хохму, или откровенную глупость! За что бы ни взялись!

Мальчишка с планшетом заглянул в стеклянную входную дверь и выкрикнул:

– Приехали! Сейчас на штурм бросятся! Вот это да! – И стал быстро водить пальцем по экрану планшета.

Дверь широко распахнулась. В банк уверенным шагом вошел небольшого роста, полный человек в черном плаще и фуражке и недовольно спросил:

– Что тут у вас?

Все молчали. Мальчишка с планшеткой взял инициативу на себя и объявил:

– Вооруженный захват кредитного учреждения!

Вошедший не обратил на эти слова никакого внимания и спросил:

– Начальство где?

– Нету никого! – ответила служительница.

– На Багамах, небось! – сказал вошедший. – Я там был два года назад. Жуть, сколько народу! И все из этих, из разыскиваемых. А кто с ружьем? – Он посмотрел на Динга.

– С ружьем я! – отозвался налетчик.

– А ты чего? – вошедший подозрительно смотрел на Динга.

– Я за карточкой! – ответил Динг.

– Как? – удивился налетчик. – Ты говорил, что обманутый!

– Значит, передумал! – сказал полицейский.

– Эх, ты! – грустно проговорил налетчик, глядя Дингу в глаза. – Что ж ты со мной так не по-человечески!?

– Лирика потом! – объявил полицейский. – Сейчас все пишут объяснительные. И обманутые, и необманутые. Где у вас бумага?

Открыли дверь в соседнюю комнату. Стали искать ручки и рассаживаться на стулья.

– Что я вам буду писать? – удивлялась старушка, ждавшая сестру. – Сами пишите. Я очки не взяла.

Динг подошел к входной двери, открыл ее наполовину и юркнул на улицу. Свернул за угол дома и столкнулся с охранником в черной рубашке.

Охранник взглянул на Динга, покачал головой и задумчиво сказал:

– Н-да, мил человек, полпятаго – это вам не полвторого!

Динг вошел в лабораторию, громко захлопнув за собой дверь, уселся на стул и сказал:

– Послушай, Толик! Мне очень надо, чтобы ты помог. Я сам быстро не разберусь, а действовать лучше сейчас.

Толик вздохнул, посмотрел в окно и спросил печальным голосом:

– И чего надо?

– Тут – один человек! – быстро заговорил Динг. – Сегодня прибежал в банк, требовал назад свои деньги, а его схватили – и в кутузку!

– Из этих, что ли, из вкладчиков? – уточнил Толик.

– Его обманули, и его же – туда! – возмущенно проговорил Динг.

– Безобразие! – равнодушно согласился Толик. – Он что, отлупил их там?

– Никого не тронул! – сообщил Динг. – Со всеми был очень вежлив. Только на меня обиделся за то, что я представился ему обманутым вкладчиком.

– А это ты для чего?

– Сам не знаю!

– Он с оружием прибежал или просто так? – поинтересовался Толик.

– С большущим ружьем! – доложил Динг.

Толик скривил физиономию, помолчал и сказал:

– Ну да! Жизнь есть сочетание случайности, причудливости и глупости живущего.

– Надо как-то ему помочь! – уверенно заявил Динг.

– Давайте! – согласился Толик. – Посоветуем этому типу больше с ружьем по банкам не бегать.

– Его посадят в кутузку! – выкрикнул Динг.

– Да здравствует человеколюбие! – объявил Толик. – Но куда его еще пристроить?

– Пусть сидит дома!

– Согласен, – сказал Толик и посмотрел на собеседника.

Дингу этот взгляд очень не понравился, и он торопливо заговорил:

– Вы ведь можете! Хотя бы попробовать! Ведеев сказал, что вы в тот раз, с приказами об институте, здорово нахимичили! Может, и сейчас?

– Что? Кто? Я? – Толик выпрямился и посмотрел на Динга. – Вопиющее предположение! И о таком почтенном человеке! Вы повторяете возмутительные слухи, распространяемые недоброжелателями! Каков этот Ведеев! И самое возмутительное – «нахимичил»! И о ком? Обо мне! Если кто-то хочет меня в чем-то заподозрить, это будет несправедливо и неправильно!

Толик стал постукивать башмаками по полу и явно ждал, когда Динг уйдет.

– Я этого человека подвел! – сказал Динг.

– В каком из смыслов? – удивился Толик.

– Говорил, что тоже вкладчик. А он мне сказал, что я поступил с ним не по-человечески.

– Н-да, по всему видно, что сильно человек пострадал в интеллектуальных баталиях, – заметил Толик. – Может быть, ему сейчас нужно посидеть и подумать. А я что? Уполномоченный по делам человечества, что ли?

IV

«Надо же, Восьмое Марта на носу, – подумал Ведеев. – Пора поздравлять! Вопрос только – кого? И тем не менее, кандидатуры есть! Во-первых, Ирина! Почему бы не напомнить ей о себе!?! Во-вторых, Любочка! Остальным не напишешь. Можно считать, что их нет. Но тогда вопрос в том – что пожелать! И так, чтобы без обычных банальностей. Дальше “благ” дело все равно не продвинется. Тогда хотя бы все блага собрать в одну кучу».

Минут через пять на экране дисплея появилось:

«Сердечно поздравляю с Праздником 8 Марта! Желаю Вам в этот светлый и радостный день благополучия, благолепия, благодушия, благоденствия, благоприятствования, благодати, благонамеренности, благодравия, благонадежности, а также благочинности и благообразия. Искренне Ваш».

«Может, я разошелся чересчур? – подумал он. – Но жалко выбрасывать. Оставим, как есть! Кому послать? Иных уж нет! Тогда – Кольке! Пусть почитает. Еще кому? Начальство не оценит, бухгалтерия не поймет. Чьи еще электронные адреса есть? Семенов! Пусть ознакомится!»

К вечеру Ведеев успел обо всем забыть и удивился, увидев на почте несколько писем.

Колька был краток: «Тебе того же!».

Любочка написала: «Спасибо за “Искренне Ваш!”».

Эта фраза Ведеева озадачила. «Что еще за намеки?» – подумал он. Поиски намеков не заставили себя долго ждать и увенчались успехом. Это раздосадовало Ведеева еще больше. Пришлось проявить самокритичность и признаться: «Да, уела она меня!». Почтенная дама, сотрудница солидного учреждения, двадцать подчиненных, не считая курьеров. И вдруг такие фамильярности от забытого приятеля. Надо позвонить и извиниться. Надо! Но не хочется.

После обеда в лаборатории появился Семенов. Но про письмо ничего не сказал. Попросил:

– Можно я в вашем оборудовании поковыряюсь немного?

– Чего вы там ищите? – спросил Ведеев.

– Смотрю интенсивность излучения, – Семенов пожал плечами. «Темнит, городской сумасшедший, явно темнит, – подумал Ведеев.

– Опять хочет кого-то подкузьмить. Соседний институт, например».

– В лаборатории плохо работается, – сказал Ведеев. – То ли дело на даче. Небо, простор! Тут день только начался – и уже темнеет. А там и одно успеваешь сделать, и другое! В открытом пространстве больше времени!

Но Семенов сделал вид, что не слышит.

Из соседней комнаты вышла Наташа. Заглянула в монитор, стоящий перед Семеновым, и предложила:

– Хотите, помогу!

– Не, я сам! – Семенов ответил, не оглядываясь.

Хорошо бы Наташу выдать замуж за балбеса командировочного, подумал Ведеев. Так сказать, в рамках наведения матримониального порядка.

Наташа еще раз взглянула на монитор и сказала:

– Вот, здесь надо кликнуть, чтобы картинка открылась.

Семенов промолчал и придвинул скрипучий стул ближе к столу.

– Только время от времени не портится! – заметил Ведеев.

Но Семенов и на это не прореагировал.

Ведееву позвонили по городскому телефону. Женский голос закричал:

– Алло! Сережка! Ну, ты совсем, что ли, охамел? Ни звонишь, ни показываешься!

– Слушаю вас внимательно, – ответил Ведеев, гадая, кто бы это мог быть. На ум не приходило ничего подходящего.

– Естественно, слушай внимательно! – ответили в трубке. – Ты что? Правда, не узнаешь? – И вдруг раздался крик. – Анжелика!

Это не добавило в разговор никакой ясности, и Ведеев ограничился тем, что прокашлялся.

– Поземкина! – радостно выкрикнули в трубку.

Теперь кое-что встало на свои места. Ранняя молодость, турпоход по крымским горам, банки со сгущенным молоком, манная каша и бутылки с дешевым портвейном.

– Но теперь я – Песочная! А ты кто? Ты все – по научной линии? Вот, здорово! Мне с тобой очень надо посоветоваться. Я к институту сейчас подскочу. Выйдешь на полчаса?

Перед воротами института Ведееву пришлось прохаживаться минут сорок. Было ветрено и холодно. Но утешала мысль, что хотя бы не пришлось тащиться на эту встречу неизвестно куда.

Недалеко от ворот остановился большущий черный джип. Минут пять из него никто не выходил. Наконец, передняя дверь распахнулась и из машины нескладно вылезла рослая блондинка в белом пальто и на высоких каблуках. Оглядела Ведеева с ног до головы и объявила:

– Ты всегда был тюфяком и этим обращал на себя внимание, в частности, мое!

Ведеев ожидал услышать поток стародавних воспоминаний, с путаницей в именах, событиях и людях. Но ему совершенно неожиданно заявили:

– Меня пытаются обобрать! Нюхом чую!

Он хотел промолчать. Но пауза затягивалась. Из вежливости пришлось спросить:

– Кто?

– Мой муженек! Шпизон! Типичный шпизон!

– Н-да, дела! – согласился Ведеев.

Анжелика хлопнула Ведеева по плечу и выкрикнула:

– В прошлом году смотрела по телеку, как Заправскому вручали премию! Показали какую-то мокрую курицу рядом с ним. Сидела, мордочку вертела в разные стороны. – Анжелика помолчала и продолжила трагическим тоном. – А я могла бы быть на ее месте! Как все несправедливо! Нашла его телефон. Еле дозвонилась. Сказала: если нужна от нас спонсорская помощь, может обращаться! Вообрази, через три дня перезвонил, и чего-то там канючил. Еле от него отделалась! Ты чего молчишь?

– Думаю, – тихо сказал Ведеев.

– Как я тебе?! Через столько-то лет!

– Не женщина, а майская гроза!

– Да? Но это как-то надуманно, – сказала она.

– Нисколько! – ответил он.

– А я всегда выражаю свое мнение с самой распространенной точки зрения! – Она посмотрела на Ведеева. – Но давай – о деле!

– Пожалуйста! – согласился он.

– Этот типичный шпизон хочет меня надуть.

– Как?

– Неважно! – сказала Анжелика. – Главное – хочет. Моя задача – оставить его с носом. Поэтому я приехала к тебе. Сейчас все говорят о современных методах.

– Каких таких? – поинтересовался Ведеев.

– Это ты мне должен сказать – каких? А не я тебе!

– У нас тут все проще! – ответил Ведеев. – Одни излучения. Да еще в вакууме!

– Может, и это пригодится! – Анжелика взяла его под руку. – У шпизона что-то есть в депозитарии. Это надо перевести – я скажу куда! И на счетах у него – тоже порядком! Надо будет разбросать по офшорам.

– А в чем задача? – поинтересовался Ведеев.

– Как в чем?! – раздраженно выговорила Анжелика. – Залезть, узнать, перевести.

– А, вот оно что! – неожиданно для себя вскрикнул Ведеев.

– Ну да! – подтвердила Анжелика.

– Через вакуум не получится! Вакуум все это съедает. Останется одна труха. Тебе надо к программистам.

– Давай телефон! – Она недовольно посмотрела на него.

– У меня таких знакомых нет.

– Найди! Мне надо! Я не могу просто так выпустить шпизона из рук.

К Ведееву вернулась бодрость духа и он объявил:

– Звони по этому поводу послезавтра. Я бегу! Вакуум может перекипеть!

Динг вышел из метро на улицу и сразу оказался в гуще событий. Главных действующих лиц было двое. Одна – высокая и полная с охапкой букетов алых роз в руках; вторая – маленькая и тоже полная с охапкой белых роз. Высокая шандарахнула противницу своей охапкой сверху вниз без особого размаха. Бац! Бац! Фейерверк из алых лепестков взвился в воздух. Прохожие ахнули от неожиданности и отскочили в разные стороны. Далее произошло нечто мимолетное и неуловимое. Маленькая с кошачьей проворностью оказалась сбоку от соперницы и огрела ее букетом по спине. Бац! Бац! В воздухе рассыпался фейерверк белых лепестков.

Вокруг все загудело от воплей и визгов. Дингу ничего не оставалось, как вильнуть в узкую щель между киосками и пробираться вперед по жестяным банкам, пластиковым бутылкам и чему-то еще. На воле он долго рассматривал свои ботинки и тщательно вытирал их об асфальт.

Ок стоял у скамейки в начале сквера, сложив руки за спиной, и делал вид, что происшествие прошло для него незамеченным.

– Как тебе у нас, дружище? – спросил он Динга. – Обживаешься?

– Во всех смыслах! – ответил Динг. – Макароны варю, листаю старые трактаты, участвую в научных мероприятиях.

– Тебе, отшельнику, это полезно! – Ок продолжал держать руки за спиной и чуть покачивал головой.

Они пошли по скверу, обходя коляски с детьми, и Динг сказал:

– Я, видно, поначалу дал маху с размаху. Пришлось включать дополнительные массивы данных. Твоя база была чересчур куцей. Но теперь я знаю, что Петров или Сидоров могут быть у себя, но вне себя, а если кто-то собирается творить, лучше, чтобы ничего не натворил. Но слово «пронесло» продолжает мне досаждать. Не понимаю, с какой стати оно оказалось в языке.

– Знаешь ли, всегда ценилось разнообразие, – заметил Ок.

– А то, что привлекают и под знамена, и к ответственности, мне даже понравилось.

– Н-да, это оригинально, – согласился Ок.

– Вчера я прогуливался по тротуару возле института и наступил на кучу пса Тузика, а его хозяйка мне заявила, что это к деньгам.

– Видимо, в народной традиции считается, что в таком случае человека надо попытаться успокоить, – заметил Ок.

– Но один раз я действительно дал маху, – сказал Динг.

– В чем? – полюбопытствовал Ок.

– Я слишком подробно ответил на вопрос турбулентности.

– Чей вопрос?

– Семенова.

– О турбулентности столько мнений, что твое потонет среди прочих. – Ок проворно посторонился, уступая дорогу велосипедисту в шлеме и красной майке.

– Но я высказал правильное мнение, – заметил Динг.

– Этого никто не заметит. Да и твоего приятеля всерьез не воспринимают.

– Мне кажется, он насторожился, когда я говорил с ним о времени, – ответил Динг.

– Насколько я понимаю, ты хотел поговорить о проблемах в программах, которые я для тебя подготовил, – сказал Ок. – Я постарался, чтобы они не получились жесткими. Была бы скучища, да и только. По крайней мере, я так считаю. Мне полная идентификация с местными жителями никогда не нравилась. С ней невозможно угадывать и придумывать.

– Теперь это неважно. – Динг повернулся, чтобы идти обратно к метро. – Но из-за твоих питомцев у меня проявились атавизмы эмоций. Эти создания могут озадачить. Они говорят, что у них от алкоголя головы болят, а у меня – ягоды. Вот и пойми особенности здешней эволюции.

– Они осознали фактор изменчивости, – сказал Ок.

– До этого даже чудовища из Вселенной KS-09 догадались, – ответил Динг. – Помнишь, как они перли на нас. Мы стояли в текущей магме и отбивались из последних сил. Но в новой экспедиции будет намного труднее. Поэтому, как говорят местные аборигены: «Не надо тянуть резину, Ок!». Но как ни прискорбно, твои подопечные не только не научились избавляться от случайностей, а даже не догадались, что это возможно. Я всегда терпеть не мог случайности и много сил потратил на то, чтобы их не было.

Они подошли к метро. У входа две продавщицы, – большая и маленькая, – стояли почти рядом, печальные и молчаливые, и торговали фиалками.

Динг понюхал букетик и сказал:

– Н-да! Какой тонкий аромат у фиалок! А как хороши, как свежи были розы!

V

У перекрестка Ведеев остановился, огляделся и подумал: «Столько лет ходил по этой улице, смотрел по сторонам и о чем-то рассуждал. И не вспомнить, о чем именно».

Направо по улице – к школе, налево – к пруду. За перекрестком на месте его дома высилось огромное здание с большими лоджиями. На другой стороне улицы еще давно, когда учились в школе, снесли ладные двухэтажные домики с застекленными террасами и взгромоздили на их месте три стандартные двенадцатиэтажки.

Ведеев шел по тротуару вдоль ряда старых сосен и старался угадать, где стоял его дом.

Взглянул на противоположную сторону и прошептал про себя: «Как же так?». Крайней из двенадцатиэтажек не было. Место, где она стояла, огораживал серый, некрашенный штакетник, а за ним среди деревьев виднелся двухэтажный деревянный дом с двумя застекленными террасами одна на другой.

«Это что такое?» – подумал Ведеев и остановился.

«Нет, все нормально!» – сказал он себе и стал быстро переходить улицу.

Прошел по тротуару вдоль серого забора и остановился у калитки. Верхний край одной из досок был отломан. В прорехе виднелась дорожка к дому, клумба, а дальше – клены вокруг врытого в землю стола и две скамейки.

Лешка Заломкин был старше на два года. Но иногда милостиво приглашал сыграть в шахматы. Летом сидели за этим столом под кленами. Осенью все кругом было в золотых кленовых листьях.

Дом снесли, а Лешка переехал в многоэтажку у станции. Этажом выше жили девчонка из параллельного класса и ее брат – хозяин шикарного спортивного велосипеда.

Ведеев остановился, огляделся и сказал себе: «Двенадцатиэтажный дом был! Лешка Заломкин был! Дом тоже был, но его сломали!». И раздраженно выкрикнул:

– Но дом стоит!

«И вообще – какого хрена я сюда сегодня заявился? – думал он. – Что меня принесло? Я в здравом рассудке! Лешкиного дома тут давно нет! Хотя как же...»

Ведеев шагнул к калитке, просунул руку в прорезь между досками и нащупал длинный крючок.

«Вот! Крючок есть! – радостно подумал он. И тут же спохватился. – Как же так? Какой крючок? Забор сломали вместе с домом!».

Надо было поскорее уйти. Смотраться от греха подальше, а потом все это обмозговать. И главное, успокоиться.

Дверь террасы на первом этаже распахнулась, и на крыльцо вышел человек в сером свитере. Спустился по ступеням, махнул рукой и крикнул:

– Эй, кто там? Заходи!

Ведеев скинул крючок и распахнул калитку.

Дорожка в кусках старого асфальта, почтовый ящик, прибитый к сосне, скамейка у крыльца.

Ведеев сделал несколько шагов вперед и крикнул:

– Я не понимаю!

Человек в сером свитере приблизился к нему и спросил:

– Чего ты не понимаешь?

– Заломкин! – выкрикнул Ведеев.

– Ба! Серега! Ведеев! Ты?! Почему не заходил? – Заломкин радостно раскинул руки. – Пошли, покажу!

Они обогнули дом и оказались во дворе.

«Да, все, как и было, – думал Ведеев. – Бревенчатый сарай. Яблоневый сад и застекленная беседка с острой, высокой крышей».

– Видишь, все на своих местах! – сказал Заломкин.

– Ну, да, – тихо произнес Ведеев.

Прошли в дом. Из прихожей дверь вела в комнату с большим окном. Два покрытых светло-серой тканью, громоздких кресла и телевизор на комод.

– Смотрели футбол! – выкрикнул Ведеев. – Чемпионат мира! Наши продули!

– Ну и память у тебя! – сказал Заломкин. – Особенно насчет того, что продули.

– Но мне надо уйти, – проговорил Ведеев.

– В каком веке появился и сразу уйти! – Заломкина что-то сильно веселило. – Впрочем, ты – молодец! А то зашла недавно Юлька Галушкина из параллельного класса, заорала: «Свят! Свят!» и бежать!

Ведеев внимательно посмотрел на Заломкина и выкрикнул:

– Но ведь правда! Правда!

– Для этого и сделано! – деловито сообщил Заломкин. – Сделано, чтобы все могли зайти и сказать: «Правда! Правда!».

– Что сделано? – не понял Ведеев.

– Чай или кофе? – спросил Заломкин.

– Давай, чего не жалко, – ответил Ведеев, и почувствовал, что по вискам течет пот.

Прошли на кухню. На бежевой тумбочке стоял большой аквариум. Среди водорослей и белых нитей из пузырьков воздуха плавали две желтые рыбины.

– Раньше у тебя скалярии и барбусы были, – вспомнил Ведеев.

– Скалярии искал, но пока не нашел, – ответил Заломкин и включил чайник.

Ведеев посмотрел в окно. Стена сарая и яблоня перед ней. Так и было.

– Я в свой старый дом приходил, когда его начали ломать, – сказал Ведеев. – Побродил вокруг, посмотрел. Хоть и жалко было, а больше думал о том, что вся жизнь еще впереди.

– А я не видел, когда мой дом ломали, – тихо проговорил Заломкин. – Уезжал куда-то.

«Нет, все-таки надо отсюда побыстрее уходить», – подумал Ведеев.

Заломкин налил чай в высокие белые чашки, сел на табуретку и сказал:

– Вдруг такой период жизни настал, что начало меня мутить. Чего-то хотелось, а какого рожна – непонятно! И ни с того, ни с сего дошло, в чем дело. Думаю, коли в прошлые времена не вернуться, так хоть в прежнее пространство попасть. Хоть на старое, привычное посмотреть. И тут я все понял: я – человек пространства. Мне надо – чтобы из дома выйти и попрыгать по земле, по которой в детстве ходил. А все остальное – это не для меня, это пусть другие пробуют. И оказалось, что дело – за малым. Снести двенадцатизатяжку, которую на месте моего дома взгромодили!

– И ее нет! – вскрикнул Ведеев. – И это ты?!

– Остальное все – дело денег и техники. – Заломкин подвинул к себе чашку с чаем. – Построил в поле за Яузой большущий дом с огромными квартирами и всех туда переселил. Только Алешкина переезжать отказалась. Тут, мол, она на своем участке живет. Пришлось ей в соседнем доме квартиру покупать.

– А это все откуда? – Ведеев оглядел стены и потолок.

– Работал архитектор. По фотографиям восстанавливал.

– Надо же! – воскликнул Ведеев. – Неужели так можно!?

– Но народ от всего этого пугается! – сказал Заломкин. – И не так, как ты, а до обморочного состояния!

– Еще бы! – радостно заорал Ведеев. – Зато, как приятно! Приятно о себе думать, что ты – не это самое! Не сбрендил! – И он глотнул горячего чая.

– Ты песни под гитару поешь? – спросил Заломкин.

– Говорят, что лучше, когда я не пою, – признался Ведеев.

– Весной и осенью у меня здесь – фестиваль бардовской песни. Народу собирается – тьма! Всю траву вытаптывают.

– А как начальство на это смотрит? – спросил Ведеев. – Не на фестиваль, а на это все!

– Начальство свое дело знает! Приходят, собирают! Пошли, дом тебе покажу!

По светлой, из свежего дерева, широкой лестнице они поднялись на второй этаж и вышли на террасу. В одно из окон билась ветка клена.

– С деревьями – целое дело было, – сказал Заломкин. – Молодые я не хотел сажать. Привозили вон какие здоровенные! Но террасу я утеплил. Отошел от традиции и проекта.

– Представляю, как будет, когда у тебя яблони зацветут.

– Жду! – мечтательно произнес Заломкин. – Тебе позвоню, когда начнется. Приезжай, посмотри!

– Я помню, как мой сад цвел.

– У тебя знатный сад был, – сказал Заломкин.

Они сели в низкие мягкие кресла. Заломкин вытянул ноги, положил руки на подлокотники и сказал:

– Никогда не думал, что коммерцией займусь. Хотел стать ученым и стал! У меня монография выходила по вычислительным системам. В вашем классе кто математику вел? Вера Викторовна? Я так математику хотел выучить, а с учительницей у меня не сложилось. Понять не мог, почему она меня шпыняет. Может, я наговариваю на нее, но с какого-то времени мне начало казаться, что это из-за отца. Ты помнишь, он у меня мебельной фабрикой заведовал. У него вся школа мебелью отоваривалась. Поэтому ей, наверное, казалось, что я вроде бы как на особом счету. Но я математику все-таки выучил и в институт поступил. А в голодные годы писал программы для банков. Пришлось во все эти дела вникать. И тут, наверное, купеческая наследственность сработала. Быстро у меня это пошло, хотя и не гладко. И возник вопрос, куда деньжата девать. Кто-то у одного моря дом купил, кто-то – у другого. А я решил – хорошо бы домой! Так и стал – реаниматором пространства.

Заломкин вышел проводить Ведеева до калитки, на прощание сказал: – На фестиваль приезжай!

– Приеду и одного певуна тебе привезу. Есть у меня на работе. – Взглянул на крючок на калитке и сказал. – Как тот, настоящий!

– Он и есть, – ответил Заломкин. – Отец отломал и сохранил на память.

Возле них остановился удивленный гражданин в шляпе и спросил:

– А как же тут теперь? Я помню, что в двенадцатиэтажке она жила! Люся! Алешкина!

– В этой башне живет. – Заломкин махнул рукой. – На шестом этаже!

– Надо же! Это что? Это я все забыл, – удивлялся человек в шляпе. – Все так поменялось!

– Поменялось! – объявил Ведеев. – В обратную сторону!

VI

Утро в лаборатории началось без чаепития и разговоров. Толик что-то высматривал на экране монитора, а Динг положил перед собой пыльную папку со скрученными тесемками. Взглянул в окно и с удивлением произнес:

– Это что такое?

По ржавой пожарной лестнице, прикрепленной к стене соседнего дома, карабкался Семенов. На уровне третьего этажа он попытался достать рукой до маленького окошка. Ему не хватало совсем чуть-чуть, и он тянулся вперед изо всех сил.

Толик посмотрел в окно и равнодушно сказал:

– Вот вам, пожалуйста! Страсть человека к истине! Сфотографировать и разместить в сетях.

– А почему по лестнице? – удивился Динг.

– Наверное, в Центре актуальной науки сегодня конференция, а Семенова не пустили. За смутьянство! Излучениями занимается. Но тянет его к вечным вопросам! Поэтому оказался на лестнице.

– Почему его не пускают? – спросил Динг.

– Они проблемы времени обсуждают, а он им всю «малину» портит, – сказал Толик. – У него своя теория на этот счет. Время у него то ли не замедляется, то ли вообще не существует.

– Вот оно что! – Динг стал наблюдать за происходящим за окном с большим интересом.

Тем временем Семенов поставил ногу на подоконник и потянулся к форточке.

– Нет, эта страсть к познанию до добра не доведет! – сказал Толик. Приоткрыл створку окна и закричал:

– Эй, туда не залезешь! Они на чердаке все люки забили! А у нас тут – командированный! Благодарный слушатель!

Семенов не послушался и попытался дотянуться ногой до подоконника. Но что-то его остановило. Постоял на лестнице, посмотрел вниз и начал медленно спускаться.

Ближе к обеду Семенов явился в лабораторию в длинном черном халате. Взглянул на монитор на столе у Толика и деловито сказал:

– Высокие частоты покоя не дают! Вот счастливчик!

– А ты на конференции, о чем хотел доложить? – спросил Толик.

– Все о старом! У меня всего на четыре минуты!

– Не, это долго! – объявил Толик. – Ты в последний раз в полторы минуты обещал уложиться!

– Но я для нового слушателя! – Семенов показал на Динга. – Так вот! Летят два космических корабля, один за другим. У первого скорость двести двадцать километров в секунду, у второго – двести. Еще на Земле их командиры договорились сверять часы во время полета по световым сигналам. В двенадцать часов второй корабль, у которого скорость меньше, посылает световой сигнал. Луч гонится за первым кораблем. Его командир фиксирует получение сигнала в 12 часов шесть секунд. А в час дня первый корабль посылает световой сигнал второму. Но этот, второй корабль, летит навстречу световому лучу и встретится с ним через три секунды. Можно ли из этого делать вывод, что время на двух движущихся по одной прямой космических кораблях нельзя скоординировать?

– А вы сами какого мнения? – спросил Динг.

– Я за то, чтобы нейтрализовать искажающий фактор – относительную скорость. Ведь скорость у кораблей разная!

– А кто против? – спросил Динг.

– Как кто? – изумился Семенов. – Весь соседний институт!

– Чудеса! – воскликнул Динг.

– Мил человек! – сказал Семенов и вздохнул. – У нас на окошке градусник. Мы его не на солнечной стороне повесили, а в тени. Значит, мы приравняли искажающий фактор, то есть солнечное тепло, к нулю. Вот и относительную скорость надо к нулю приравнять.

Их громкий разговор очень мешал Толику, и он раздраженно сказал:

– Приравнивай к нулю, что угодно! Только на лестницу больше не залезай!

Динг долистал желтые бумаги, сложил их в папку, бросил ее на край стола, подняв пыль, и спросил Толика:

– На эту конференцию в соседнем центре всех пускают?

– Не знаю, – Толик сделал вид, что очень занят, но из вежливости добавил. – Не всех, но с удостоверением пустят.

– Мое министерское – подойдет?

– Еще бы! – ответил Толик.

За парадной дверью института оказался темный коридор. Справа на стене висело большое зеркало, и всякий вошедший мелькал в нем, пока входная дверь не захлопывалась, издавая противный скрип.

За второй дверью в небольшом вестибюле сидел за письменным столом парень в футболке и вертел красный телефончик.

– На конференцию куда? – деловито спросил Динг.

Парень поднял телефончик, как спортивный судья красную карточку, и показал вперед.

В большом зале с рядами глубоких бордовых кресел народу было немного. Но все больше публики степенная, изрядно полысевшая и пополневшая.

В президиуме Динг без особых хлопот определил директора Центра актуальной науки Штамовского и его боевого заместителя, автора монографий и статей Присыпко. Слева от президиума возвышалась трибуна. Из нее выглядывал в зал, будто проверял, не спят ли присутствующие, маленький человек в очках – известный космолог и пространствовед Белкин.

– И нам с вами тоже не обойтись без классического эксперимента со стержнем и часами! – объявил Белкин. – Но все совершенно по-иному сейчас, в компьютерной графике!

И действительно, на экране появилось изображение длинной штуковины, похожей на рельс. К одному из ее концов был прикреплен старомодный будильник со звоночком наверху. Рядом с будильником красовались фигурки двух человечков с физиономиями явных злоумышленников.

– Уважаемые коллеги! – Белкин поднял руку. – Именно этот старый добрый, мысленный эксперимент со стержнем, часами и наблюдателями позволит нам сейчас подробно обсудить один важный аспект взаимосвязи пространства и времени. Посмотрите внимательно на экран!

По экрану вдруг побежали белые линии. Изображение пропало, но через несколько мгновений появилось, и Белкин продолжил:

– Заметьте интересное свойство времени! Вот оно!

На экране среди звездного неба мчался кусок рельса с двумя сидящими на нем перепуганными злоумышленниками. Чем быстрее он летел, тем становился короче. На краю рельса красовался сплюснутый с боков будильник. Его маленькая стрелка проскочила вниз, но большая – застряла. Покраснела и начала биться о край сплюснутого корпуса.

– Что за бред! – изумился докладчик. Обернулся и закричал кому-то за кулисы:

– Компьютерщика сюда!

Президиум в полном составе прильнул к экранам мониторов. В зале раздались изумленные выкрики!

– Часы не идут!

– Большая стрелка застряла!

– Да, остановилось время! – с назидательными нотками заметил почтенный человек в первом ряду – заведующий лабораторией Метелкин.

– Собственно, какого хрена! – вскрикнул Белкин.

Директор Штамповский поднялся из кресла, повернулся к докладчику и строго спросил:

– Что у вас еще?

– Я? – спросил Белкин неизвестно кого. – А что я? Перехожу к выводам.

На экране замелькали таблицы и графики. Появился убористый текст. Белкин зачитывал его, сначала путаясь и запинаясь, но потом – бодро и даже с веселыми нотками в голосе.

– И наконец, перехожу к практической части доклада! – объявил Белкин. – Вот, простой пример для всего сказанного выше! Пилот высокоскоростного летательного аппарата приближается к взлетной полосе. В ее начале и в конце вспыхивают сигнальные лампочки. Сначала до пилота доходит свет первой лампочки. Далее он движется навстречу свету второй лампочки. Очевидно, что в этом случае взлетная полоса будет для него короче, чем для наблюдателя на Земле, непосредственно у полосы.

Метелкин поднял руку и выкрикнул:

– И данное обстоятельство надо учитывать при строительстве взлетных полос.

В этот момент на экране монитора опять зарябило и появилась красного цвета надпись: «А если летчик до полета измерял длину полосы обыкновенной линейкой?». Но в этот момент экран погас и больше не засветился. Конференция продолжалась без презентации.

Сразу после завершения научного мероприятия было объявлено о совещании в кабинете директора.

Штамповский сидел за своим столом, сутулясь, и ни на кого не смотрел. За стол для совещаний уселись: замдиректора Присыпко, заведующий лабораторией Евгений Аркадиевич Метелкин и Белкин.

Присутствующие долго молчали. Белкин рассматривал царапины на полированной поверхности стола и думал: «Пронесет – не пронесет? В конце концов, пойду работать в адвокатскую контору рядом с домом».

– Ну что? Диверсант! – хмуро объявил Штамповский.

– Подлец – компьютерщик! – бодро заявил Белкин. – Давно добивался увольнения этой пьяни.

Евгений Аркадиевич Метелкин встрепнулся, огляделся по сторонам и бодро заявил:

– Да! Согласен! Надо этого коллегу поблагодарить! – Он показал на Белкина. – Весомый результат! Остановка времени! Вы все знаете, что у меня договор с 26-й овощебазой. Тема: «Использование эффекта замедления времени при перевозке скоропортящихся продуктов». Идеи профессора о полной остановке времени, безусловно, будут востребованы. – Метелкин замолчал и опустил голову.

Штамповский оглядел присутствующих, постучал пальцами по столу и объявил:

– Так вот! Ситуация пренеприятнейшая. Из-за твоего, Паша Белкин, обычного разгильдяйства. И помолчи, будь добр! Если кто узнает – останемся без грантов. Кто мог нам так насолить? Семенов?

Присыпко поднял руку, показывая, что просит слово, повел тяжелой челюстью и пробасил:

– С будильником – это чего-то новенькое, но на самом деле – ерунда. А про взлетную полосу – несколько человек обсуждали в интернете.

– Они – обсуждали, а мы не реагировали, – пробурчал Штамповский. – Нет, ответили! Пять материалов поместили, – выкрикнул Белкин.

– Из «чужих» на конференции много было? – спросил Штамповский. Присыпко достал из кармана листок бумаги:

– Трое! Журналистка из лояльного издания, владелец овощебазы и какой-то тип с министерским удостоверением.

– При чем тут владелец овощебазы? – удивился Штамповский. Метелкин встрепенулся и вскрикнул:

– Как же, без него! Он – мой докторант!

– Начать надо с Семенова, – сказал Присыпко. – По крайней мере, он может что-то знать.

Но журналистку тоже стоит проверить.

– А Тимохина вызвали? – спросил Штамповский.

– В приемной сидит, – доложил Белкин и вскочил с места.

– Давай его сюда! – скомандовал Штамповский.

Вошел средних лет невысокий, лысеющий человек в очках. Сразу почувствовал себя не в своей тарелке, посмотрел в окошко и пожал плечами.

– Как тебе у нас? – строго спросил Штамповский. – Ничего работается?

– Ничего, – подтвердил Тимохин.

– Планы есть? – Штамповский побарабанил пальцами по столу.

– Вроде того, – ответил Тимохин и подошел к свободному стулу.

Но сесть ему не предложили. Штамповский сказал:

– Тут с нами кто-то решил пошутить. Это хорошо. Мы сами шутить любим. Но не любим глупостей. Не твои ли дружки развлеклись?

– Не знаю, – ответил Тимохин.

– Кто это мог быть? – жестко спросил Штамповский.

Тимохин смутился и не знал, куда девать руки. То сложил за спиной, то хотел сунуть в карманы.

– Ты у нас работой доволен? – спросил Штамповский.

– В общем, да, – еле слышно проговорил Тимохин.

– Семенов? – спросил Штамповский.

– Мудрено для него, – ответил Тимохин.

– А кто?

– Не знаю, – пролепетал Тимохин.

– Я тебя попрошу! – вкрадчиво произнес Штамповский. – Ты будь добр, постарайся. Разузнай. Ты – наш ответственный сотрудник. Мы тебя ценим. Не подведи нас!

Главного подозреваемого два толстых охранника отловили ближе к вечеру возле его машины и поволокли в кабинет директора Центра актуальной науки. На парадной лестнице к процессии подключились Присыпко и Белкин.

Штамповский взглянул на давнего оппонента с удивлением и спросил:

– Тебе чего?

– Я? Мне? А кто меня?! Сюда! Тащить за шкирман! Что это, вообще-то? – кричал Семенов.

– Бред какой-то! – Штамповский удивился еще больше. – Ну, и шагай на все четыре стороны! Впрочем, раз приперся, у меня к тебе один вопрос!

– Я? Приперся? – заорал Семенов. Прошел к столу, отодвинул стул и сел. – Чего вам опять от меня понадобилось?

– Брось ты это, Семенов! – Штамповский прошелся по кабинету и остановился у окна. – Чего ты на конференцию не пришел?

– Я? Чтобы меня опять таким варварским образом оттуда вон?

– Больно ты нервным стал! – заметил Штамповский. – Где, как ни на конференции обо всем поговорить!

– Я хотел! Даже на лестницу полез. Хорошо, добрые люди отговорили.

– Это кто? – удивился Штамповский.

– Рудольф, я тебя давно знаю! – спокойно сказал Семенов. – Раз ты так издалека начал, значит, неспроста. Поэтому ничего я тебе не скажу, пока не выясню обстановку. Но что-то тебя зацепило!

– Ну и ладно, – примирительно сказал Штамповский. – Пошел ты куда подальше!

– И на том спасибо! – ответил Семенов.

Когда дверь за ним закрылась, Штамповский внимательно посмотрел на Присыпко и Белкина и сказал:

– Нет, такие фокусы не для этого типа! Тонкости – не для него! Тут что-то совсем новое. А это – для молодежи!

– Значит, не из нашего института! – заключил Белкин.

Присыпко внимательно посмотрел на него и сказал:

– Ты смотри, где-нибудь такое не ляпни!

Штамповский забарабанил пальцами по столу и объявил:

– Дай компьютерщикам задание, чтобы подключили всех, кого надо, но выяснили, кто влез в систему!

– Кто это может быть?! – с негодованием выкрикнул Белкин.

– Ну, не инопланетяне такими вещами занялись! – буркнул Штамповский. – Значит, найдем, кто!

Семенов понял, что ему надо успокоиться. Сунул руки в карманы и стал прохаживаться вдоль институтской ограды. Но кто-то постоянно попадался на пути и норовил задеть сумкой или плечом. Ему это надоело, и он вошел во двор института.

Недалеко от ворот, у мусорных баков лежала гора картонных коробок и связок из книг. Недавно залы институтской библиотеки сдали арендаторам. Весь день во двор таскали бывшее библиотечное имущество.

Семенов раскрыл верхнюю коробку и вытащил наугад несколько книг. Монографии почтенных авторов, справочники, желтенькие брошюры институтских отчетов. Что-то и вправду уже хлам. Что-то могло бы пригодиться.

В одной из пачек Семенов увидел свою книгу. Вытащил, стряхнул пыль и повертел в руках. Года два писал. Надеялся на всеобщее внимание. Думал ли, что закончится вот так – мусорным баком? Сунул книгу в карман и пошел к припаркованной за воротами машине.

Первый из его пассажиров был очень разговорчивым и всю дорогу вещал о политике. Со вторым они проторчали в пробке на Садовом кольце почти час, но ни в какие разговоры не вступали. Третьему надо было в Мытищи. Обрато Семенов возвращался в еле двигавшемся потоке.

Позвонила Катя, спросила:

– Ты где?

– Только от института отъехал, – ответил он. – Минут через сорок буду дома.

Дверь открылась со скрипом, и Наташа оглянулась.

– Это – я! – сказал Тимохин.

Он прошелся по кабинету, поправил стопку книг на столе, сел на стул у окна и спросил:

– Как дела?

– Все ничего, – ответила Наташа, помолчав.

– Как дочка? – спросил Тимохин. – Собираюсь ее навестить.

– Все хорошо, – сказала Наташа, не отрываясь от бумаг на столе.

– Сейчас ей надо больше читать.

– Мы с мамой ей читаем, – ответила Наташа, не оборачиваясь.

– Хотел денег принести, но сегодня опять не дали. – Тимохин посмотрел в окно.

Наташа промолчала. Собрала бумаги на столе и отложила в сторону.

– Обещали по гранту заплатить – и ни шиша, – сказал Тимохин. – У них вчера конференция была. И вдруг вместо схем – какая-то чепуха. Они злятся и думают на Семенова. Я сказал, что вряд ли он такое придумал. На фига ему нужно? А вообще-то, как он?

– Как всегда! – ответила Наташа.

– Конечно, может быть, и он развлекся, – предположил Тимохин. – Но ему кто-то должен был помочь. Вряд ли Толик. Он всегда с ним в контрах.

– Послушай, какое мне до всего этого дело?! – проговорила Наташа.

– Ну, так! Все-таки скандал местного значения, – ответил Тимохин. – Хотя, может, не местного. Это на наши гранты повлияет.

– И на твой?

– Разумеется! – ответил Тимохин.

– Если выясните, кто вас разыграл, как это на что-то повлияет? – спросила Наташа.

– Хотя бы знать, от кого ждать неприятностей, – ответил Тимохин.

– Поэтому ты явился ко мне со шпионской миссией!

– Я пришел о дочке спросить, – раздраженно проговорил Тимохин. – А ты – из-за денег злишься.

– Что мне из-за них злиться, если их нет! – Наташа повысила голос.

– Ну ладно, – тихо сказал Тимохин. – Я на следующей неделе зайду.

VII

Ведеев взглянул на себя в старое, в черных пятнышках, овальное зеркало на стене прихожей и подумал: «Побриться или не побриться?». Возиться с щетиной было лень. Но что-то подсказывало – так можно докатиться неизвестно до чего. Несмотря на эти подсказки, бриться не хотелось. Зазвонил телефон.

– Алло! Сергей Алексеевич! – с усилием выговорил старческий голос. – Это Ирина Михайловна!

Она закашлялась, и Ведеев сказал:

– Да-да! Слушаю вас! Как поживаете?

– Спасибо! Я была в октябре на кладбище. Я заметила, что вы приходили. Спасибо вам за память. Сейчас я в больнице.

– Что с вами? – спросил Ведеев.

– Это неважно! – Она сделала паузу, ей было тяжело говорить. – Я о другом. Мне неприятно это сказать здесь, в коридоре. Но я не дойду до лестницы. А мне надо, чтобы вы знали. Когда с Лидочкой все это случилось, я себя не помнила. Мне позвонили и попросили подписать какие-то бумаги. Мне было все равно. Из тела Лидочки взяли ее сердце. Мне сказали, она стала донором. Потом я очень жалела обо всем. А через год мне позвонила женщина. Она плакала и говорила, что Лидочка стала донором ее дочери Зои. Женщина хотела, чтобы они приехали ко мне. Но я сказала, что не надо. Они живут у метро «Академическая», в большом доме. Ну, все, все! Меня зовут! – Раздались короткие гудки.

На кладбище он не был года три. Вроде бы недалеко, а так и не собрался поехать. Но совсем недавно вдруг вспомнил, как нескладно приподнялся из кресла, вытянул шею и стал сбивчиво говорить девушке, сидевшей через проход тесного салона и на ряд впереди, что летит домой и еще что-то про отпуск в Геленджике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.